

СТАТЬИ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

О ГЛАГОЛЬНОМ ВИДЕ С ПРИКЛАДНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Л. Ясаи

*Университет им. Лоранда Этвеша, Будапешт, Венгрия;
jaszay.laszlo@btk.elte.hu*

Аннотация: Статья преследует практические цели в рамках общей теории русской аспектологии. Автор рассматривает лингвистические вопросы глагольного вида под углом зрения изучения русского языка как иностранного (далее РКИ). В настоящей статье в круг данной проблематики входит обсуждение трех обширных тем: во-первых, вопрос об оптимальной лингвистической модели русского вида в области РКИ; во-вторых, особенности описания употребления видов от смысла к форме; в-третьих, вопрос о формулировке правил. Аргументируется в частности трактовка видовой пары с деривационно-классифицирующих позиций. Большое внимание уделяется понятиям результативности и итеративности и средствам их выражения, а также иерархии правил, регулирующих употребление видов.

Ключевые слова: функциональный аспект; итеративность; результативность; правила употребления видов; иерархия правил

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-03-6

Для цитирования: Ясаи Л. О глагольном виде с прикладной точки зрения // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 3. С. 56–68.

ON THE VERBAL ASPECT FROM AN APPLIED POINT OF VIEW

L. Jászay

Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary; jaszay.laszlo@btk.elte.hu

Abstract: The article pursues applied research within the framework of the general theory of Russian aspectology. The author sets out the goal to examine some linguistic questions of the verbal aspect from a practical angle, primarily from the Russian as a foreign language learner's point of view. In this sense, theoretical questions should be updated for practical application. This paper discusses three broad topics related to the subject matter: firstly, the question of the significance of apply-

ing a suitable, i.e. an optimal linguistic model in the study of verbal aspect; secondly, the question whether in descriptions of aspectual meaning, in addition to the traditional approach “from form to meaning”, the orientation in the opposite direction “from meaning to means of expression” is also necessary; thirdly, the question of the need to analyze the grammatical rules related to the use of aspectual forms. On question (1), a solution to the dilemma is proposed, specifically whether to consider the formation of an aspectual pair as an inflection or to accept that in this case the status of an independent verb is preserved. The article supports the second point of view. Regarding question (2), attention is given to the concepts of resultative and iterative actions in a broader sense, taking into account different means of expression. In the case of issue (3), the question has a direct effect on teaching: it addresses the ordering of the so-called “aspectual rules” on the basis of their hierarchical relationships, with particular emphasis on the relativity of the role of resultative meaning.

Keywords: functional aspect; iteration; resultative action; rules for the use of verbal aspects; hierarchy of rules

For citation: Jászay L. (2025) On the Verbal Aspect from an Applied Point of View. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 3, pp. 56–68.

1. К постановке вопроса

Глагольному виду как одной из сложнейших категорий русской грамматики посвящена большая теоретическая литература, пополняемая и в настоящее время новыми аспектологическими исследованиями. Но при этом многие теоретические достижения аспектологии пока не учитываются в достаточной степени при преподавании русского языка как иностранного в венгерской аудитории. Поэтому основное внимание в данной статье уделяется проблеме адаптации теории глагольного вида к прикладным целям преподавания русского языка как иностранного (т. е. в области РКИ). Понимание важности данной проблемы сформировалось у автора статьи в ходе многолетней работы по обучению венгерских студентов-русистов. Лингвистической опорой при усвоении русского языка как иностранного должна стать своего рода педагогическая грамматика, которая помимо теоретической информативности обеспечивала бы практическую (прикладную) направленность аспектологической теории.

Настоящая статья посвящена анализу следующих проблем: 1) роли оптимального выбора рамок аспектологической теории в области РКИ; 2) особенностям использования принципа «от смысла к форме»; 3) учету при преподавании разноуровневых правил, вступающих в противоречие друг с другом.

2. Проблема выбора подходящей концепции трактовки вида при преподавании РКИ в венгерской аудитории

В практике обучения РКИ преподаватель может оказаться перед необходимостью выбора одной из аспектологических теорий, наилучшим образом соответствующей практическим задачам. Поскольку лингвистами-теоретиками нередко предлагаются разные интерпретации ситуации употребления одной и той же видовой (видовременной) формы, особенно актуальным представляется выбор объяснительной модели вида при преподавании русского языка в венгерской аудитории. Конкретную аргументацию данной позиции покажем на примере понятия видовой пары.

Принято считать (как в разных теоретических концепциях, так и при обучении видам глагола), что «видовая пара» является одним из ключевых понятий. При этом к определению видовой пары применяются два разных подхода, основанных на словоизменительной и классифицирующей трактовках категории вида (см. подробнее об этом в [Ремчукова 2011: 114–116]). Следовательно, встает вопрос о необходимости выбора одной из двух трактовок. В этой связи Анна А. Зализняк и А.Д. Шмелев отмечают, что такое разграничение для аспектологии не имеет принципиального значения, так как «все существенное, что можно сказать про русский вид, можно сформулировать в рамках как того, так и другого подхода» [Зализняк, Шмелев 2000: 16]. По нашему мнению, такая свобода относительно трактовки видовой пары допустима лишь с позиции носителей русского языка. Что касается венгерской аудитории, словоизменительная трактовка не может быть поддержана, так как она при реальном функционировании парных глаголов часто не согласуется с определением венгерских эквивалентов. Иначе говоря, употребление видов в части случаев убеждает нас в необходимости применения деривационно-классифицирующей модели вида. Мы имеем в виду учет следующих аспектов.

Известно, что оппозиция между коррелятами СВ и НСВ, в зависимости от выражаемых ими частновидовых значений, может быть сильной или слабой. При сильном противопоставлении значение НСВ воспринимается как процессно-длительное действие или состояние. Для передачи этих значений в венгерском языке используются, как правило, не видовые корреляты НСВ, а зачастую глаголы явно другого лексического значения, более того, иногда даже особый описательный способ. Одним из наглядных примеров является эквивалентность видов в следующем примере: *О, будьте уверены, что Колумб был счастлив не тогда, когда он открыл Америку, а когда **открывал** ее* (Ф. Достоевский. Идиот — из кн.: Вино-

градов, 1986: 409). В венгерском переводе (переводчик И. Макай) смысловым эквивалентом формы глагола НСВ *открывал* оказывается другой, не равнозначный глагол со словарным значением 'искать' (*keres*). В свете подобных примеров (число которых, конечно, можно было бы умножить) очевидно, что таким способом в венгерском языке лексически компенсируется отсутствие подлинных (грамматических) видовых пар.

Касательно тех случаев, когда противоположные виды составляют слабую оппозицию (любую ее разновидность), дело обстоит иначе. При слабом противопоставлении видовых коррелятов лексическое тождество не нарушается, и это значит, что в качестве семантического соответствия видовой пары в венгерском языке выступает с большой частотой один и тот же глагол. Тем не менее венгерскими русистами классифицирующая трактовка воспринимается и в контекстах слабой оппозиции вполне адекватной, да и более естественной. В пользу этого предположения говорят следующие факты.

1) При обучении иностранцев имеет принципиальное значение, что сам термин «пара» предполагает наличие двух отдельных глаголов, которые тесно связаны между собой, ср. [Титаренко 2019: 37]. Такое восприятие русской видовой парности очевидным образом подтверждается и результатами того психолингвистического эксперимента, в котором было показано, что в памяти венгерских русистов корреляты видовой пары — это два глагола [Папп 1983].

2) Образование соотносительных глаголов базируется на использовании таких морфем (в большей степени префиксов, а в меньшей — суффиксов), которые в нашем интуитивном представлении служат для глагольной деривации.

3) Только классифицирующая трактовка данной категории допускает более широкое, функциональное понимание видовой парности (с включением и некоторых спорных случаев), что, на наш взгляд, оказывается более эффективным при обучении видам. Отметим, что в учебном пособии Е.В. Петрухиной вопросу о расширении видовой парности посвящен отдельный параграф [Петрухина 2009: 80–82]. Немаловажно, что с точки зрения «креативного потенциала» вида (см. полное описание в [Ремчукова 2011: 118–157]) предпочтение отдается также деривационно-классифицирующей модели.

Нам близка такая точка зрения и относительно сферы РКИ. Иностранного студента интересует в первую очередь не вопрос о том, где точно проходят границы видовой парности согласно той или иной научной концепции, а то, глагол какого вида он должен употребить в данном контексте. Для иллюстрации расширения объема

видовой соотносительности приведем в пример глаголы делимитативного способа действия (как самой продуктивной модификации типа *поиграть, поговорить*). На их сближение с парными глаголами СВ (или на некоторую степень соотносительности исходного глагола и делимитатива) нередко указывается в аспектологических работах последних десятилетий [Петрухина 2000: 148; Зализняк, Михалев, Шмелев 2010: 16–17; Горбова 2011: 26]. Так, например, в своем обстоятельном анализе делимитативов Е.В. Петрухина (с некоторыми оговорками) приходит к выводу об их приблизительной парности: «Достаточно частотны случаи, когда при употреблении делимитативов рациональная и эмоциональная оценки действия вообще не выражены — делимитативы по своим функциям приближаются к видовым коррелятам» [Петрухина 2000: 148]. В сущности, в соответствии с этой точкой зрения высказывается и Е.В. Горбова: «Наилучшим кандидатом на роль перфективного члена не соотносенной с пределом видовой пары является, по-видимому, делимитатив» [Горбова 2011: 26]. Наиболее яркие примеры в этой связи наблюдаются в повелительном наклонении, см. [Петрухина, указ. соч.], но ослабление или утрата собственно делимитативного значения может иметь место и в изъявительном наклонении. Не случайно целесообразность подобной концепции именно на функциональном основании аргументировалась и в зарубежной аспектологии, см., в частности [Lehmann 1988: 177–178; Ясаи 2015: 48–50].

3. О применимости направления «от смысла к форме»

При учете особенностей функциональной грамматики [Бондарко 1983] возникает идея о необходимости применить именно данный метод при описании аспектуальных значений. Справедливо отмечает в этой связи О.К. Грекова: «Функциональность подхода к аспектуальным явлениям русской речи обеспечивается движением *от смысла к форме*» [Грекова 2022: 5; выделено нами. — Л.Я]. Однако если говорить о педагогической практике в Венгрии, в этом отношении можно наблюдать односторонний подход: при обучении видам исходят из формы, т. е. из того, какой набор частных значений приписывается глаголам НСВ и СВ. Оставлять без внимания принцип исходно-формальной ориентации, конечно, нельзя, но такой подход не должен быть исключительным. В системе высшего образования Венгрии, на наш взгляд, предлагается учитывать и противоположную, исходно-семантическую ориентацию. Объясняется это довольно просто: иностранец в реальной речевой ситуации должен исходить в первую очередь не из вопроса о том, какие значения может выражать СВ и какие — НСВ. Отправной точкой для него является выражение своей мысли. Это значит, что говорящий

определяет, во-первых, коммуникативную цель, которой необходимо достичь в данном случае, и, во-вторых, языковые средства, которыми он может воспользоваться для выражения нужного ему смысла.

В отношении глагольного вида это значит, что после усвоения студентами частно-видовых значений следует уделять внимание и некоторым типам аспектуальных значений в более широком объеме. Такими являются, например, *длительность, общефактичность, повторяемость, интенсивность, моментальность, результативность* действия и др. Разумеется, при таком приближении, выходя за пределы видовой парности, нельзя обойти вниманием некоторые способы глагольного действия. Именно в таком понимании станет очевидно, что те или иные акциональные характеристики глагола (выделяемые на основе сходства протекания действия) могут выражаться разными средствами, а некоторые общие типы значений даже глаголами противоположных видов (ср., напр., выражение суммарного значения типа *несколько раз повторял/повторил*). Такого рода описание помимо своей практической пользы способствует и более глубокому пониманию упомянутых выше аспектуальных значений. Здесь укажем на работы, посвященные исследованию вопроса результативности и итеративности, в фокусе которых могут быть разные особенности этих значений. Касательно результативности в [Плунгян 1989] доминирует общелингвистический аспект, в статьях же [Крекич 1985; Петрухина 1993] в центре внимания стоит исключительно русский глагол. Разные акценты расставлены и в плане итеративности [Грекова 1985; Грекова 2022: 222–264; Семиколенова 2009], а в венгерской русистике в фокусе находится «хабитуалис» [Палоши 2015] и комплексное описание явления [Ясаи 2022].

Коротко остановимся на данных понятиях.

1) Известно, что результативное значение передается не только перфективными коррелятами тех видовых пар, которые представляют общерезультативный тип глаголов (напр., *решишь, защитишь, разбудить, выучить* и др.), но и глаголами многочисленных специально-результативных способов действия. Среди таких перфективов здесь упомянем лишь о двух обширных разрядах — о модификациях, ярко выражающих помимо достигнутого результата и количественное значение. Это, во-первых, модификация с приставкой *на-* (*набросать* <окурков>, *навешать* <картинок>) и с двойной префиксацией *пона-* (*понаехать*, *понародить* <детей> — здесь отрицательная оценка выражена сильнее). Во-вторых, это — дериваты с приставками *по-* или *пере-*, называемые дистрибутивными глаголами (*поломать/переломать* <все игрушки>, *побить/перебить* <всю

посуду>, *позакрывать* <магазины>, *поумирать*, *переболеть* и др.). Дистрибутивы интересны и тем, что общее значение этих глаголов семантически соприкасается и с идеей итеративности: 'поочередность распространения результата на ряд объектов или субъектов'. О суммарных дистрибутивах с приставкой *по-* см. подробно [Каранов 1999].

2) Специального внимания заслуживает итеративность, включающая в себя формальные и семантические разновидности повторяющихся действий. В большинстве случаев повторительное значение развивается при участии НСВ под влиянием внешних факторов — лексических показателей типа *иногда*, *часто*, *каждые полчаса* и др., подробнее об этом см. [Грекова 2022: 231–249]. В ряде случаев данное значение может вытекать и из лексической семантики глагола. Среди таких глаголов встречаются и стилистически окрашенные итеративы с ограниченной употребительностью (см. формы *хаживал*, *сиживал*, *едал* и т. п.), но некоторые способы действия активно употребляются и ныне (см. одновидовые прерывисто-смягчительные глаголы типа *покашливать*, *позванивать* или корреляты НСВ некоторых парных глаголов: *заговаривать*, *просиживать*). В качестве итеративов должны рассматриваться и некоторые вторичные имперфективы видовых троек (см. *вылечивать*, *выучивать*, *прочитывать*, *съедать*). Частные случаи итеративности представляют контексты, в которых при выражении данного значения выступает глагол СВ. Это имеет место прежде всего в двух позициях глагола: а) при выражении наглядно-примерного значения (*Подойдет, бывало, сядет...*); б) при передаче суммарного действия СВ с локализацией во времени. Последнее значение реализуется при наличии квантификатора типа *два раза*, *пять раз*, *несколько раз* и т. п. (напр., *Несколько раз перечитал записку*).

4. Об иерархии правил, объясняющих употребление видов

В практических языковых правилах отражены устойчивые закономерности, но иногда правила формулируют и на основе сильной тенденции в функционировании языка. Что касается глагольного вида, то учебных правил довольно много, и их число в разных пособиях может варьироваться от автора к автору. Значительное число правил создается из-за функциональной сложности данной категории, ведь употребление видов нельзя описать с помощью нескольких простых рекомендаций, охватывающих все важные случаи. Отсутствие единства в этом плане объясняется и тем, что правила рассчитаны на учащихся разных кластеров и разного уровня владения русским языком. В связи с анализом практических правил трудно не обратить внимание на то, что формулируются

и такие правила, которые «вступают в конфликт» друг с другом [Борисова 1998]. Явление «конфликта» двух или нескольких правил имеет место в случае доминирования одного из них. Дело в том, что бытующие «видовые правила» являются не равносильными, поэтому возникает необходимость последовательного учета обнаруженных здесь иерархических отношений.

В абстрактном плане, конечно, можно сформулировать общую для всех случаев закономерность, но такая формулировка в учебном процессе обязательно нуждается в конкретизации и дальнейшем уточнении: в противном случае она не может служить ориентиром для практической работы. Приведем в пример **определение видовой оппозиции**, согласно которому СВ выражает ограниченное пределом целостное действие, в то время как НСВ оставляет это значение невыраженным [Русская грамматика, 1, 1980: 583]. Данное определение привативного противопоставления видов представляет собой обобщение многочисленных реальных ситуаций, которые, однако, в учебной работе должны быть представлены. В практике преподавания следует отдавать предпочтение именно описанию конкретных ситуаций.

Встает вопрос: сколько должно быть такого рода правил, сформулированных на основе аспектуальных ситуаций? Ответ зависит от уровня знаний учащихся, а также от тех профессиональных целей, которых они должны достичь. Только в соответствии с этим можно определить количество учитываемых и анализируемых ситуаций. В свете сказанного понятно, что число учебных правил в разных пособиях не может быть одинаковым. Если обучение нацелено на формирование компетенций учащихся и достижение достаточно высокого уровня владения языком с умением различать тонкие семантические и прагматические оттенки, выражаемые с помощью глагольного вида, то, разумеется, число таких правил будет в значительной степени возрастать. Поэтому вполне обоснованно формулируется в учебном пособии А.А. Караванова достаточно большое количество правил, ведь данное пособие предназначено для учащихся высокого уровня знаний. В данном пособии содержится около 70 кратких комментариев, разъясняющих выбор вида в разных ситуациях с учетом формы инфинитива и изменяемых форм в изъявительном и повелительном наклонениях [Караванов 2004].

Нам кажется, что самые большие трудности формулировки правил возникают по поводу выбора глагола прошедшего времени НСВ для передачи общефактического значения. Это значение лингвистически глубоко проанализировано и детально описано в работах [Падучева 1996: 32–52, Гловинская 2001: 230–254], в том числе и в аспекте педагогической грамматики [Грекова 2022: 41–62]. Из-

вестно, что выбор формы НСВ прошедшего времени в этом значении во многом зависит от характера ситуации, причем ситуационных типов, оказывающих влияние на выбор вида, чрезвычайно много.

Возможность столкновения двух правил мы покажем на примере двунаправленной разновидности общефактического значения. По поводу двунаправленного действия НСВ считают, что при различении конкретно-фактического значения СВ и общефактического НСВ выбор определяется реальным наличием или аннулированием результата в момент речи. В основном случае это кажется само собой разумеющимся: если в данный момент результат налично, употребляется форма СВ — *Кто открыл окно?* ('окно открыто'), а если результат уже аннулирован, то употребляется форма НСВ — *Кто открывал окно?* ('в момент речи окно закрыто'). На самом деле, однако, применимость данного правила (представленного в указанной формулировке) не является абсолютной. В качестве иллюстрации представим следующую ситуацию из книги О.П. Рассудовой: «...войдя в комнату, где открыто окно (и, значит, результат действия <...> налично в момент речи), мы можем сказать: *Кто **открыл** окно, ведь я просил этого не делать?*, но можем употребить в вопросе со словом *кто* и НСВ: *Вы не знаете, кто **открывал** окно? На подоконнике лежали мои бумаги, их куда-то переложили*» [Рассудова 1982: 56]. К приведенной ситуации добавим и пример А.А. Караванова [указ. соч.: 120], аналогичный с точки зрения рассматриваемой проблематики. Ситуация: 'из аудитории уже все студенты ушли' (значит, результат налично). Тем не менее преподаватель обращается к студентам, употребляя НСВ: *Кто последним **уходил** из аудитории? Вы не забыли выключить свет?* Из этого примера также явствует, что указанное выше правило не охватывает все случаи, его надо дополнить: если в данной ситуации внимание говорящего направлено не на результат или на производителя действия, а на его прочие обстоятельства, то, несмотря на наличие результата, должна употребляться форма НСВ.

Столкновение правил, связанных с выражением результативности, наблюдается и в более простых случаях. Если, например, достижение результата (или шире — предела) действия представлено в плане многократности, то в русском языке обычно употребляется НСВ. Следовательно, правило, основывающееся на неограниченном повторении действия, является правилом более высокого ранга. Это станет очевидно, если акцентируется реализованный результат в итеративном контексте: *Он решил задачу за 5 минут* → *Такие задачи он (всегда/каждый раз) решал за 5 минут*. При этом, однако, известно, что сам по себе повторяющийся характер действия — в некоторых типах контекста — не исключает употребления

глагола СВ (см. суммарное или наглядно-примерное значения). Трудности в связи с выбором глагольного вида возникают, в частности, потому, что число абсолютных правил весьма невелико, абсолютные правила могут быть сформулированы скорее на основе сочетаемостной характеристики, без учета варьирования ситуаций. Обратим внимание в этой связи на истинность следующей закономерности: на СВ налагаются разные формальные ограничения — он не сочетается с определенным набором обстоятельств и, в форме инфинитива не сочетается с фазовыми глаголами, тогда как НСВ в целом не характеризуется формальными ограничениями. Однако предлагаемое таким образом «универсальное» правило само по себе вряд ли может способствовать формированию аспектуальной субкомпетенции иностранных учащихся.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
2. Борисова Е.Г. Частновидовые значения и практические правила употребления видов русского глагола // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. Отв. ред.: М. Ю. Черткова. М., 1998. С. 80–87.
3. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). 3-е изд., М., 1986.
4. Гловинская М.Я. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М., 2001.
5. Горбова Е.В. Видовая парность русского глагола: проблемы и решения // Вопросы языкознания. 2011. № 4. С. 20–45.
6. Грекова О.К. Виды значений повторяемости и средства их выражения в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1985.
7. Грекова О.К. Очерки современной русской функциональной аспектологии: В 2 кн. Кн. 1. М., 2022.
8. Зализняк Анна А., Шмелев А.Д. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.
9. Зализняк Анна А., Микаэлян И.Л., Шмелев А.Д. Видовая коррелятивность в русском языке: в защиту видовой пары // Вопросы языкознания. 2010. № 1. С. 3–23.
10. Караванов А.А. Семантика суммарных дистрибутивов с префиксом *по-* в свете теории Л.В. Щербы об эксперименте в языкознании // Язык, сознание, коммуникация / Под ред. В.В. Красных и А.И. Изотова. М., 1999. С. 5–11.
11. Караванов А.А. Виды русского глагола: значение и употребление. 2-е изд., М., 2004.
12. Крекич Й. Что такое результативность? // *Studia Slavica Hung.* 31.1985. С. 347–356.
13. Падучева Е.В. Семантические исследования. М., 1996.
14. Палоши И. К вопросу о выражении хабитуалиса в русском языке // *Beiträge zum 18. Arbeitstreffen der Europäischen Slavistischen Linguistik (Polyslav)*: 3–5. September 2014, Budapest. (Die Welt der Slaven; Sammelbände 57). Wiesbaden, 2015. С. 187–196.
15. Папп Ф. К сопоставительному изучению русских и венгерских вербальных ассоциаций // *Hungaro-Slavica*. Budapest, 1983. С. 231–245.

16. Петрухина Е.В. Категория результативности в глагольной системе русского языка // *Studia i Materiały Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Olsztynie. Filologia rosyjska*. 1993. Nr 49. С. 69–78.
17. Петрухина Е.В. Аспектуальные категории глагола в русском языке (в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками). М., 2000.
18. Петрухина Е.В. Русский глагол: категории вида и времени: Учебное пособие. М., 2009.
19. Плунгян В.А. К определению результата // *Вопросы языкознания*. 1989. № 6. С. 55–63.
20. Рассудова О.П. Употребление видов глагола в современном русском языке. М., 1982.
21. Ремчукова Е.Н. Креативный потенциал русской грамматики. 2-е изд. М., 2011.
22. Русская грамматика Т. 1 / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980.
23. Семиколенова Е.И. «Кратность» как тип отношений между глаголами в видовой паре // *Вісник Днітропетровського університету. Серія «Мовознавство»*. № 11, 2009. Вип. 15, т. 3. С. 120–126.
24. Титаренко Е.Я. Имплицитная аспектология русского глагола. Симферополь, 2019.
25. Ясаи Л. О соотношении лексико-семантической категории предельности и глагольного вида // *Studia Slavica Hung.* 60/1. 2015. С. 43–53.
26. Ясаи Л. К вопросу о выражении итеративности в русском языке // *Slověne. International Journal of Slavic Studies*. Vol. 11. 2022. № 1. С. 305–329.
27. Lehmann V. Der russische Aspekt und die lexikalische Bedeutung des Verbs // *Zeitschrift für slavische Philologie*. 48.1988. С. 170–181.

REFERENCES

1. Bondarko A.V. *Printsipy funkcional'noi grammatiki i voprosy aspektologii* [Principles of functional grammar and issues of aspectology]. Leningrad, Nauka, 1983. (In Russ.)
2. Borisova E.G. Chastnovidovye znachenii i prakticheskie pravila upotrebleniia vidov russkogo glagola [Contextual aspectual meanings and practical rules for using aspects of the Russian verb] // *Tipologii i vida. Problemy, poiski, resheniia*. Ed. M. Iu. Chertkova. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury, 1998, pp. 80–87. (In Russ.)
3. Glovinskaia M.Ia. *Mnogoznachnost' i sinonimii v vido-vremennoi sisteme russkogo glagola* [Polysemy and synonyms in the aspect-tense system of the Russian verb]. Moscow, Azbukovnik — Russkie slovari, 2001. (In Russ.)
4. Gorbova E.V. Vidovaia parnost' russkogo glagola: problemy i resheniia [Aspectual pairing of the Russian verb: problems and solutions] // *Voprosy iazykoznanii*. 2011, no 4, pp. 20–45. (In Russ.)
5. Grekova O.K. *Vidy znachenii povtoriaemosti i sredstva ikh vyrazhenii v sovremennom russkom iazyke* [Types of repetition meanings and means of their expression in modern Russian language]. (Avtoref. diss. na soisk. uchen. step. kand. filol. nauk, MGU) Moscow, 1985. (In Russ.)
6. Grekova O.K. *Ocherki sovremennoi russkoi funkcional'noi aspektologii* [Essays on modern Russian functional aspectology]. V dvuh knigah. Kniga pervai. Moscow, MAKSPRESS, 2022. (In Russ.)
7. Jászay L. O sootnoshenii leksiko-semanticheskoi kategorii predel'nosti i glagol'nogo vida [On the relationship between the lexico-semantic category of limitativity and verbal aspect] // *Studia Slavica Hung.* 60/1. 2015, pp. 43–53. (In Russ.)

8. Jászay L. K voprosu o vyrazhenii iterativnosti v russkom iazyke [On the problem of iterative action of the Russian verb] // *Slověne. International Journal of Slavic Studies*. Vol. 11. 2022, no 1, pp. 305–329. (In Russ.)
9. Karavanov A.A. Semantika summarykh distributivov s prefiksom po- v svete teorii L.V. Shcherby ob eksperimente v iazykoznanii [Semantics of summary distributives with the prefix po- in Light of L.V. Shcherba's theory of experiment in linguistics] // *Iazyk, soznanie, kommunikatsiia*. Pod red. V. V. Krasnykh i A. I. Izotova. Moscow, Dialog-MGU, 1999, pp. 5–11. (In Russ.)
10. Karavanov A.A. *Vidy russkogo glagola: znachenie i upotreblenie* [Aspects of the Russian verb: meaning and usage]. Izd. 2-e, Moscow, Russkii iazyk. Kursy, 2004. (In Russ.)
11. Krékits J. Chto takoe rezul'tativnost'? [What is resultativity?] // *Studia Slavica Hung.* 31.1985, pp. 347–356. (In Russ.)
12. Lehmann V. Der russische Aspekt und die lexikalische Bedeutung des Verbs [Aspect in Russian and the lexical meaning of the verb] // *Zeitschrift für slavische Philologie*. 48.1988, pp. 170–181. (In German)
13. Paducheva E.V. *Semanticheskie issledovaniia* [Semantic research]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury, 1996. (In Russ.)
14. Pálosi I. K voprosu o vyrazhenii khabitualisa v russkom iazyke [On the question of the expression of habituality in the Russian language] // Beiträge zum 18. Arbeitstreffen der Europäischen Slavistischen Linguistik (Polyslav): 3–5. September 2014, Budapest. *Die Welt der Slaven; Sammelbände 57*. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 2015, pp. 187–196. (In Russ.)
15. Papp F. K sopostavitel'nomu izucheniiu russkikh i vengerskikh verbal'nykh assotsiatsii [On the comparative study of Russian and Hungarian verbal associations] // *Hungaro-Slavica*. Budapest, Akadémiai Kiadó, 1983, pp. 231–245. (In Russ.)
16. Petrukhina E.V. Kategorii rezul'tativnosti v glagol'noi sisteme russkogo iazyka [The category of resultativity in the verb system of the Russian language] // *Studia i Materiały Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Olsztynie. Filologia rosyjska*. 1993, no 49, pp. 69–78. (In Russ.)
17. Petrukhina E.V. *Aspektual'nye kategorii glagola v russkom iazyke (v sopostavlenii s cheskim, slovatskim, pol'skim i bol'garskim iazykami)* [Aspectual categories of the verb in the Russian language (in comparison with Czech, Slovak, Polish, and Bulgarian languages)]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo un-ta, 2000. (In Russ.)
18. Petrukhina E.V. *Russkii glagol: kategorii vida i vremeni*. Uchebnoe posobie [Russian verb: categories of aspect and tense]. Moscow, MAKS Press, 2009. (In Russ.)
19. Plungian V.A. K opredeleniiu rezul'tativa [On the definition of resultative] // *Voprosy iazykoznanii*. 1989, no 6, pp. 55–63. (In Russ.)
20. Rassudova O.P. *Upotreblenie vidov glagola v sovremennom russkom iazyke* [Usage of verb aspects in modern Russian]. Moscow, Russkii iazyk, 1982. (In Russ.)
21. Remchukova E.N. *Kreativnyi potentsial russkoi grammatiki* [Creative potential of the Russian Grammar]. Izd. 2-e. Moscow, URSS, 2011. (In Russ.)
22. *Russkaia grammatika T. 1* / Ed. N.Iu. Shvedova [Russian grammar, Vol. 1]. Moscow, Nauka, 1980. (In Russ.)
23. Semikolenova E.I. «Kratnost'» kak tip otnoshenii mezhdu glagolami v vidovoi pare [Multiplicity as a type of relationship between verbs in an aspectual pair] // *Visnik Dnitropetrovs'kogo universitetu. Serii «Movoznavstvo»*, no 11, 2009. Vip. 15, t. 3, pp. 120–126. (In Russ.)
24. Titarenko E.Ia. *Implitsitnaia aspektologii russkogo glagola* [Implicit aspectology of the Russian verb]. Simferopol', ARIAL, 2019. (In Russ.)

25. Vinogradov V.V. *Russkii iazyk (grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian language (grammatical doctrine of the word)]. Izd. 3-e, Moscow, Vysshiaia skola, 1986. (In Russ.)
26. Zalizniak Anna A., Mikaelian I.L. Shmelev A.D. *Vidovaia korreliativnost' v russkom iazyke: v zashchitu vidovoi pary* [Aspectual correlativity in Russian: in defense of the aspectual pair] // *Voprosy iazykoznanii*. 2010, no 1, pp. 3–23. (In Russ.)
27. Zalizniak Anna A., Shmelev A.D. *Vvedenie v russkuiu aspektologiiu* [Introduction to Russian aspectology]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury, 2000. (In Russ.)

Поступила в редакцию 03.02.2025

Принята к публикации 22.04.2025

Отредактирована 30.04.2025

Received 03.02.2025

Accepted 22.04.2025

Revised 30.04.2025

ОБ АВТОРЕ

Ясаи Ласло — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы гуманитарного факультета Университета им. Лоранда Этвёша; jaszay.laszlo@btk.elte.hu

ABOUT THE AUTHOR

László Jászay — DSc, Professor, Department of Russian Language and Literature, Faculty of Humanities, Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary; jaszay.laszlo@btk.elte.hu